

Иван Годинович

Сказал дедюшка племянницьку женитисе:

«Уж ты шчо долго, племянницёк, не женисьсе?»

Отъвет держит племянницёк дядюшки:

«Мне-ка стара взеть — дак на печи лёжать,
Мне молода взеть, — да всё цюжа корысьть».

Не видали добра молодця сряжаюцись,

Ай не видели удалого поедуцись;

Только видели: да по цисту́ полю

Дым столбом стоит, да курева́ стаёт.

Приежжал он к полаты к белокамянной,

Заходил в полату белокамянну,

Уж он крес кладёт да по-писанному,

Он поклон ведёт да по-уцёному;

Он садилсэ на белу на бросову лавоцьку.

Говорит тут Митреян сын Митреяновиць:

«Ай не вор ли к нам пришёл, да не разбойник ли?

Ай не збеглый ли солдат да новобранья?»

Воспроговорит удалой доброй молодець:

«Дай не вор я к вам пришёл да не разбойницёк,

Ай не зьбеглыя солдат да новобранья,

А пришёл я к вам, удалой доброй молодець,

Ай о добром дели к вам, о сватовсьви

На твоёй Настасьей Митреяновной».

Ай спроговорит Митреян сын Митреяновиць:

«Уж ты го́й еси, удалой доброй молодець!

У мян нет Настасьи Митреяновны:

У мян три года Настасьюшка просватана

За того ли за Идолишша проклятого

За проклятого да за поганого.

У мян сидит Настасья в новой гривници

Ай за тридеветь замков, тридеветь сторожов,

За тема ли за замоцькамы заморьцькима».

Ишше тут доброй молодець да из полаты вон.

Приломал он тридеветь замков, тридеветь сторожов,

Уж он брал Настасью за белы́ руки,

Цёловал Настасью в сахарьни усты,
Выводил Настасью на широку светлу улицу,
Он сажил Настасью на добра кóня,
Отъежал с Настасьёй во цистó полё.
Оны ехали с утра да день до вецёра,
Как настигла их да ноцька тёмная.
Ай спроговорит Настасья Митреяновна:
«Уж ты ёй еси, удамый добрый молодец!
Тебе пора, пора да кóню здох давать,
Коню здох давать, шатёр роскинывать».
Тут скорым-скóрым молодёць Настасью слушаёт.
Соходил тут молодёць з добра коня,
Насыпал коню пшеницы белояровой;
Розоставили бел шатёр полóтняной,
Оны ложились во бел шатёр полотняной.
Как на ту пору да на то времечко
Наежало тут Идолишшо проклятоё,
Ай проклятоё само поганое.
Он крыццал-зыццал да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову,
Во всю силу-могуту до богатырьцькую:
«Уж ты ёй еси, Митреян сын Митреяновиць!
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю,
Ишше на имя Настасью Митреяновну.
Не отдашь ты мне, да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног да жильё вытяну».
Он крыццал-зыццал да во второй након,
Он крыццал-зыццал да во третей након:
«Уж ты ёй еси, Митреян сын Митреяновиць,
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю,
Ишше на имя Настасью Митреяновну.
Не отдашь ты мне, да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног жильё вытяну».
Выходил тут Митреян да на красно крыльце,
Говорил тут Митреян да таковы слова:

«Уж ты ґой еси, Идóлишшо проклятоё,
Ты проклятоё, само поганое!
У мя нет Настасьи Митреяновны:
А как был сёгодня удалой доброй молодець,
Приломал он трідеветь замков, трідеветь сторожов,
Он увёз Настасью Митреяновну».
Он тут подал Идолишшо да на добра коня,
Он поехал Идолишшо в цистó полё;
Он наехал на бел шатёр полотьяной,
Говорил он сам да таковы речи:
«Мне сонноґо взеть — да бытто мёртвого;
Тут не цесь-хвала да молодецькая».
Закрыцял Идолишшо да зысьним голосом,
Зысьним голосом да во всю голову:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Ты отдай-ка мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю.
Не отдашь ты мне, — да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног да жільё вытяну».
Ишше тут доброй молодець не слышал-то.
Он крыцял-зыцял да во второй након,
Он крыцял-зыцял да во третей након:
«Уж ты ґой еси, удалой доброй молодець!
Ты отдай-ко мне да поединьшицю,
Поединьшицю, да красну девицю.
Не отдашь ты мне, — да я возьму тебя,
Я возьму тебя да стругом выстружу,
Я из рук, из ног да жільё вытяну».
Пробужалсэ доброй молодець да от крепкаґо сну,
Ключевой свежой водой да умываитце,
Тонким белым полотеньцем утираитце,
Надеват сапожки на босу ногу,
Выходил он на светлую широкую на улицу.
Оне тут с Идолишшом схватилисе;
Оне дрались-боролись ровно три цяса;
Как збивалсэ доброй молодець к Идолишшу да на чёрны груди,
Он крыцял-зыцял да зысьным голосом,
Зысьним голосом да во всю голову:

«Уж ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай-кось, ты Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у Идолишша церны́ груди,
Уж мы вынём у Идолишша да серьцё с пе́ченью».
Ишше тут Настасьюшка ёго не слушаёт,
Митреяновна итти не думает.

Он крыццал-зыццал да во второй након:
«Уж ты выйди-тко, Настасья, из белá шатра,
Ты подай-кось, Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у Идолишша цёрны грúди,
Уж мы вынем у Идолишша да серьцё с пе́ченью».
Ишше тут Настасьюшка его не слушаёт,
Митреяновна итти не думает.

Он крыццал-зыццал да во третей након:
«Уж ты выйди-тко, Настасья Митреяновна,
Уж ты выйди-тко, Настасья, из бела шатра,
Ты подай-косе, Настасья, мне булатной нож,
Уж мы сколём у Идолишша цёрны́ груди».
Тут Настасьюшка его не слушаёт,
Митреяновна ити не думает.

Как зьбивалсэ Идолишшо к молодцю да на белы груди,

Он крыццал-зыццал да зысьным голосом:
«Уж ты выйди-тко, Настасья, из белá шатра,
А подай-косе, Настасья, мне булатной нож;
Уж мы сколём у молодця белы́ груди,
Уж мы вынём у его серьцё со печенью».

Выходила тут Настасья из белá шатра,
Она брала Настасьюшка булатной нож;
Оне скололи у молодця белы́ груди,
Уж и вынели у его серьцё со печенью,
Роскинали взяли на вси стороны.

Тут летит зьмея, да зьмея лютая,
Как несёт вина да полтора ведра,
Полтора ведра да зелья лютого.

Подносила Идоллишшу проклятому;
Выпивал тут Идолишшо да на единой дух, —
Пропадал тут Идолишшо да во единой цяс.

Тут спроговорит Настасья Митреяновна:
«От того я берёжку откачнуласе,

Ко другому берёжку не прикачнуласе!»
Тут садилась Настасья на добра коня,
Она поехала Настасья во цисто полё,
Во цисто полё поехала поляковать.

Записана А. В. Марковым в с. Ворзуге на Терском берегу Белого моря от М.
Ф. Приданниковой.